

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ

**Кровавая
Шапочка**

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
РЕЧНОЙ ДОКТОР
КРОВАВАЯ ШАПОЧКА, ИЛИ СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ
ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Фантастические повести

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЕВГЕНИЯ МИГУНОВА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2016

УДК 82-312.9(09)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6
Б90

Булычев К.

Б90 Кровавая Шапочка: Два билета в Индию; Речной доктор; Кровавая Шапочка, или Сказка после сказки; Детки в клетке: Фантастические повести / Ил. Е. Мигунова. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 232 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2220-3

В сборник Кира Булычева вошли четыре повести: «Два билета в Индию», «Речной доктор», «Детки в клетке» и «Кровавая Шапочка».

«Два билета в Индию» — это повесть о том, как Юля Грибкова встретила в лесу сетчатого питона и бенгальского тигра. Девочке пришлось привести их домой и познакомиться с бабушкой и уже вместе с ней разгадать тайну появления столь необычных гостей в подмосковном лесу.

В повести «Речной доктор» Гарик и Ксюша спасают целебный родник и реку от людей, которые пытаются устроить в этом месте настоящую свалку, и помогает им в этом настоящий волшебник — речной доктор.

В повести «Детки в клетке» надо спасать не только природу, но и людей от удивительно злых «деток», Марата и Кати, с которыми не в силах бороться ни родители, ни милиция, ни даже директор зоопарка...

А в сказочной повести «Кровавая Шапочка» рассказывается о Красной Шапочке и других знакомых каждому с детства персонажах, но все они ведут себя как-то не по-сказочному...

В издании воспроизводятся 80 иллюстраций самого известного иллюстратора Кира Булычева — Евгения Мигунова.

УДК 82-312.9(09)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9922-2220-3

© Кир Булычев, наследники, 2016
© Мигунов Е.Т., наследники, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

Глава первая ТИГРЫ ХОДЯТ ПО НОЧАМ

Чрезвычайное происшествие случилось в летнем лагере «Огонек» за четыре дня до конца смены, когда все думали, что смена обойдется без чрезвычайных происшествий.

Юля Грибкова из третьего отряда увидела на поляне за кухней, как Юра Семенов и Олег Розов по прозвищу Розочка издеваются над кошкой Ларисой. А издевались они так: Семенов привязал к хвосту кошки консервную банку, в которую насыпал гвоздей, и собирался выпустить кошку в таком виде на эстраду, где самодеятельный коллектив репетировал народные танцы Сейшельских островов. Розочка помогал Семенову советами.

Услышав вопли кошки, Юля Грибкова, как пантера, выскочила из кустов, где читала книгу Даррелла «Зоопарк в моем багаже», и принялась молотить этой книжкой по голове Семенова. Потом она отбросила книжку и исцарапала Семенову щеки. Семенов, как только опомнился, стал сопротивляться, нанес Грибковой множественные, хотя и несущественные телесные повреждения. Розочка был свидетелем и подавал Семенову советы, поэтому тоже получил свою долю синяков...

Вечером Юля Грибкова сидела у эстрады со своим приятелем и одноклассником Фимой Королевым. Ужинать она не пошла, не хотелось. Она ждала, когда после кино соберутся вожатые и выгонят ее из лагеря. Мимо проходили знакомые, выражали сочувствие, девочки ругали Семенова, а ребята шутили. Потом приходи-

ла повариха Верочка и принесла котлету и стакан компота. Верочка любила кошку Ларису. Юля отдала котлету и компот Фиме — он такой толстый, что никогда не может толком наестся, а дома его держат на диете.

— Твоя бабушка не переживет,— сказал Фима.— Она очень нервная.

Юля вздохнула и ничего не ответила.

— Придется тебя спрятать у меня дома,— решил Фима.— Мои все равно в отпуске. Кончится смена, приедешь домой как ни в чем не бывало.

— Разумно,— сказала с иронией Юля.— А из лагеря потом придет письмо, что меня выгнали за драку.

— И чего тебя увлекло в бой? — спросил Фима, допивая компот.— Ничего кошке от этого бы не случилось...

— А нервы? — возразила Юля.— А унижение? Ведь нервные клетки не восстанавливаются.

— У кошек, может, и восстанавливаются,— сказал Фима.— Это еще не доказано.

— Нет!..— Юля была непреклонна.— Если звери не могут сказать, то наш долг их защитить. И так многих истребили. Морской коровы уже не осталось. И страус моя вымер.

— Кошкам это не грозит,— сказал Фима.

— Тут дело в принципе.

— Могла бы и словами обойтись. А то Семенову чуть глаз не выцарапала. Он старшему водителю жаловался.

— Вот видишь! А Лариска никому не может пожаловаться. Ушла к себе под дом и переживает.

— Странная ты, Юлька,— сказал Фима.— Иногда мне кажется, что ты любишь животных больше, чем людей. Ты бы и тигра пригрела. И скорпиона.

— Плохих зверей не бывает. Как и плохих младенцев. Люди потом постепенно перевоспитываются и превращаются кто в отличника, а кто в урод. А звери остаются младенцами.

— Опасное заблуждение,— не согласился с Юлей Королев.— Ты на той неделе змею из леса притащила. Говорила, что уж, а оказалось — гадюка. Младенцы не бывают ядовитые...

— Во-первых, гадюка никого не укусила, и я ее обратно в лес унесла. Во-вторых, от гадюк польза...

Юля Грибкова, как пантера, выскочила из кустов, где читала книгу Даррелла «Зоопарк в моем багаже», и принялась молотить этой книжкой по голове Семенова.

Фима отмахнулся от этих слов и опрокинул стакан, чтобы вишенки, которые остались на дне, скользнули ему в рот. Юля задумалась. Положение у нее и в самом деле было трудным, родителей в Москве нет, бабушка еле ходит... как ей скажешь, что тебя выгнали из лагеря за драку?

— Змеи, скорпионы и всякие гады...— задумчиво произнес Фима. На дне стакана оставалась еще одна вишенка.— Я предпочитаю иметь дело с автобусами.

Он снова запрокинул голову, взор его скользнул к небу, и в поле зрения попала вершина большого дуба, что рос у самого забора. Там, в листве, было что-то большое, серое и непонятное. Вроде толстого кабеля с головой и черными глазами.

Фима так удивился, что не заметил, как проглотил вишенку.

— Ты что? — удивилась Юля.— Подавился?

— Э...— сказал Фима и показал дрожащей рукой на дерево.

Что-то зашуршало, и кабель исчез.

— Ничего не вижу,— сказала Юля.

— И не надо видеть,— ответил Фима.— Это, наверное, от твоих разговоров у меня в глазах галлюцинации.

Начало смеркаться. Появились первые комары, намечая себе боевые цели. Из леса тянуло слабым запахом грибов и прели. Лето кончалось. По дорожке шла кошка Лариска, верно, хотела поблагодарить Юльку, но не дошла, выгнула спину — шерсть торчком, зашипела и умчалась.

— У забора кто-то есть,— сказал Фима.— Кошки чувят.

— Пойду посмотрю,— сказала Юлька.

— Погоди!

Но Юлька уже поднялась. Ей тоже показалось, что в кустах у забора что-то таится. Кусты густой стеной прикрывали забор, и потому вожатые не догадывались, что в заборе есть удобная дырка, сквозь которую можно после отбоя убежать к реке.

Стоило Юльке сделать два шага к забору, как кусты покачнулись и замерли. Тихо.

— Не ходи, а? — сказал Фима.— Ничего там интересного. Мало тебе своих ран?

— Что же там было?

— Волк,— сказал Фима.— Или медведь. Мало ли что бывает в кустах.— Он попытался засмеяться собственной шутке, но не смог.

Тут сзади раздались голоса — кино кончилось. Фима подхватил тарелку и стакан — побежал на кухню.

Юлька осталась одна и мужественно вынесла все смешки и шутки. Вожатые и прочие лагерные взрослые пошли в домик директора, где должны были обсуждать чрезвычайное происшествие. Юлька постояла немножко, потом отправилась в свой корпус — одноэтажный деревянный голубой дом, села на кровать и стала ждать, как решится ее судьба.

Она даже не знала, сколько времени прошло — стемнело. С площадки неслась музыка, там танцевали. Кто-то забегал в палату, что-то спрашивал. Юлька пыталась было читать Даррелла, но ничего не получилось. Да и свет зажигать не хотелось.

Потом к окну простучали мелкие шаги. Юлька догадалась — Фима.

— Юлька, ты здесь? — сказал он. — Обсудили.

— Меня обсудили?

— Я под окном подслушивал. Окно открыто, все слышно.

Юлька высунулась в окно — оно было низким, голова Фимы как раз поднималась над подоконником.

— Ну и что? — спросила Юлька, стараясь не выдать волнения.

— Они смеялись, — сказал Фима.

— Почему?

— Они сначала старались серьезно обсуждать, а потом смеялись. А Степаныч, физкультурник, все требовал, чтобы кошку привели как свидетеля. Понимаешь?

— Ничего не понимаю.

— Они решили тебя не выгонять. И Семенова тоже. И наша вожатая Рита очень ругала Семенова, а потом Семенов, который под окном со мной вместе стоял, крикнул, что он в порядке самообороны. А ты — как дикая кошка.

— Ну, если он мне попадет... — начала Юлька.

— Тогда второй раз тебя не простят. Только они потом нас отогнали от окна, и я не знаю, чем кончилось.

— Что-нибудь обязательно придумают, — сказала Юлька.

Тут вошли девочки с танцплощадки и начали громко разговаривать на глупые темы. Фима убежал, чтобы его не увидели. А потом Юля легла в постель, чтобы больше ни с кем не разговаривать. И притворилась, что спит.

На самом деле она не спала. Ей совершенно не хотелось спать. Постепенно утомонились соседки по палате, заснул весь лагерь, поднялась луна и осветила кровати. Зажужжал комар. Далеко-далеко загудел на реке пароход. Синяк на щеке разболелся, как зуб. «Все равно,— подумала Юлька,— если бы я сейчас его увидела, я бы снова на него напала».

— Юля,— раздался голос под окном, тихий, как комариный звон.

Юля подумала было, что вернулся Фима, хотя это было невероятно, потому что Фима обожает поспать. Может быть, Семенов решил свести счеты? Юля решила подождать.

— Юля,— снова послышался голос.— Выйди к нам. Надо поговорить.

Юля вскочила с кровати, хорошо, что та стояла у окна, и высунулась наружу. Никого на улице не было. Дорожки казались светлыми, почти белыми от лунного света, по небу бежали тонкие рваные облака, и вокруг стояла пустынная тишина.

— Кто здесь? — спросила Юля.

— Не бойся, Юля,— послышался голос из большого розового куста, который рос на перекрестке дорожек.— Мы не шутим. Нам надо поговорить с тобой, чтобы никто не видел.

— Это ты, Семенов? — спросила Юля.

— Ты нас не знаешь,— сказал голос.— Нам не к кому обратиться, кроме тебя. Ты нас поймешь.

— Покажись,— произнесла Юля,— если ты не Семенов.

— Ты испугаешься,— сказал голос.

— Меня уже ничем не испугаешь,— ответила Юля искренне.— Я боялась только, что меня из лагеря выгонят.

— Спасибо тебе,— ответил голос.— Тогда мне ничего не останется, как перед тобой появиться. И постарайся не падать в обморок от страха.

В обморок от страха Юля еще никогда не падала, но такое предупреждение может кого угодно испугать. Ведь Юля почти не сомневалась, что все это — месть презренного Семенова.

И потому, когда куст начал раскачиваться и из-под него на серебряную дорожку стал вытягиваться длинный толстый шланг, Юлька даже почувствовала некоторое облегчение. Что угодно, но это был не Семенов.

По дорожке полз удав метров в пять длиной, в Юлькину ногу толщиной. Шея его сужалась к плоской широкой голове, длин-

ный раздвоенный язык быстро высовывался изо рта и прятался вновь, неподвижные черные глаза смотрели в упор, как будто гипнотизировали. Удав прополз по дорожке несколько метров и свернулся кольцами под самым окном.

— С ума сойти,— прошептала Юлька, которая знала зоологию и разглядела при свете луны сетчатого питона, обитателя тропических стран. Странно, но ее в тот момент не столько удивило, что змея разговаривает, сколько чисто зоологическая неправильность.— Сетчатые питоны у нас не водятся,— сказала она.

— И не говори,— согласилась громадная змея.— Это совершенно исключено.

Рот змеи открывался в такт словам, но глаза оставались неподвижными, будто говорила не змея, а какая-то машинка внутри нее.

За Юлькиной спиной кто-то сказал сонным голосом:

— Ну, скоро ты угомонишься, Грибкова?

Юлька не ответила, а перемахнула через подоконник. Мокрая от росы трава была холодной.

— Куда идти? — спросила она шепотом.

— За кухню,— ответил питон.— В кусты.

— Тогда быстрее,— сказала Юлька.— В любой момент может проснуться собака или сторож.

— А ты не простудишься без обуви? — спросил питон.

Юлька не ответила, на цыпочках побежала по дорожке, а питон пополз за ней, пришептывая на ходу:

— Ты не боишься? Совсем не боишься?

Юлька выбежала на поляну. Удивительно, но она и в самом деле не боялась. Ведь куда лучше говорящий питон, чем мстительный Семенов, которого уже из двух школ исключили.

Неподалеку залаяла собака сторожа. Питон прибавил ходу, скользнул вперед и исчез в кустах.

— Сюда,— сказал он.— За мной, отважное существо.

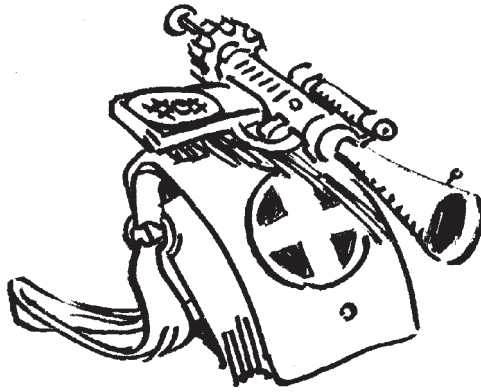
«Отважное существо» конечно же относилось к Юльке. Она раздвинула кусты — впереди был лаз в заборе, за ним сразу начался лес. В лесу было темно и сыро — Юлька пожалела, что не оделась толком.

Змея исчезла.

— Где вы? — спросила Юлька.

РЕЧНОЙ ДОКТОР

Там был родник. Вода в нем была целебная своей чистотой и прозрачностью. Тысячу лет назад, а может, больше,росло у родника дерево. Кто исцелился той водой, привязывал к ветке белую тряпицу. И дерево было так густо покрыто теми тряпицами, что круглый год, казалось, цвело.

Люди думали, что в дереве живет бог реки, которая брала начало от родника.

Потом про языческое дерево забыли. Но родник остался целебным, и еще сегодня не очень старые старики помнят, как со всей округи люди приходили сюда за водой с банками, бидонами, даже ведрами. У родника был деревянный помост, а сам он был обложен валунами.

Когда лет тридцать назад здесь начали строить новый район, пятиэтажные дома выстроились по откосу, а разбитые бетонные плиты, мусор, арматуру, мешки из-под цемента, все, что не нужно, строители сбрасывали с откоса вниз и погребли родник.

Конечно же, сколько на родник ни сваливай мусора, он все равно пробьется. Только вода перестала быть целебной, потому что родник, сам того не желая, захватывал своим быстрым стремлением крошки штукатурки и цемента, ржавчины и краски. А раз уж тот овражек стал свалкой, то и люди, которые жили в новых домах и не знали о целебном роднике, кидали туда ненужные вещи.

В июне будущего года, часов в девять утра, по пыльной улице микрорайона Космонавтов шел молодой человек, одетый просто и легко. Был он на первый взгляд обыкновенный, только если

присмотреться, увидишь, что его волнистые волосы были какого-то странного, зеленоватого оттенка.

Через плечо у молодого человека висела небольшая сумка из джинсовой ткани.

Никто на этого человека внимания не обратил. Впрочем, улица была почти пустая — те, кто работал на Химупаковке или служил в городских учреждениях, уже уехали на работу, а бабушки с детьми еще не вышли на прогулку. И никто не заметил, как молодой человек задержался возле сломанного тополя у шестого корпуса, достал из сумки рулон широкой синей ленты, перевязал ствол, а потом отыскал поблизости палку и приспособил ее к деревцу.

Потом молодой человек дошел до последнего дома, за которым начинался спуск к свалке, и стоял там довольно долго, рассматривая наполненный мерзостью бывший овражек и прослеживая взглядом, как сквозь бетонные плиты, консервные банки и ломаную мебель пробивается родник, как он вытекает из овражка и, робко обегая препятствия, течет к кустам, пропадая в ржавой трубе.

— Жуткое дело,— сказал молодой человек вслух и осторожно, видно не желая измарать кроссовки, начал спускаться к роднику.

Со свалки навстречу ему прибежали две бродячие собаки, что жили там, брошенные хозяевами. Они не испугались молодого человека, потому что сразу почуяли, кто он такой. Но близко не подходили — сели рядом и улыбались.

Молодой человек открыл сумку, вынул из нее небольшую штуку, похожую на пистолет с дулом-раструбом. Потом сказал собакам:

— Я начинаю.

Собаки не возражали. Молодой человек направил раструб на ближайшую к нему бетонную плиту, на которой валялись две разбитые бутылки, несколько консервных банок и груда выброшенных за ненадобностью рваных обоев, и нажал на курок своего пистолета.

Из раструба вырвался широкий луч, невидимый под солнцем, но не совсем прозрачный. Если смотреть сбоку, то предметы за ним казались туманными и дрожащими.

Это и заметили Гарик Пальцев и Ксюша Маль, которые как раз спустились к роднику, чтобы поискать там пустые бутылки. Им не сами бутылки были нужны, а этикетки — для коллекции.

Они увидели, что над грудой плит и мусора стоит молодой человек с пышными кудрявыми волосами, одетый просто и скромно. И держит в руке пистолет с широким дулом, а из пистолета исходит почти невидимый луч. В том месте, где луч дотрагивался до мусора, мусор начинал съеживаться, таять, словно был снежный.

Молодой человек не просто держал пистолет, а все время двигал им, уменьшал или увеличивал ширину и направление луча. Словно был зубным врачом, который осторожно действует иглой бормашины, убирая сгнившую ткань зуба, но стараясь не повредить здоровую ткань.

Сильно пахло озоном. Стало теплее, от свалки до ребят доносилось шуршание и тихий скрежет. Когда самые большие плиты растворились и серый дымок над ними рассеялся, молодой человек подошел еще ближе и начал убирать завал совсем уж осторожно, часто включая и выключая свой пистолет, короткими выстрелами уничтожая то погрузившуюся в землю бутылку, то ржавую кастрюлю, то порванную шину. Одновременно он водил лучом вокруг, расширяя очищенное место.

Ребятам, которые смотрели на него сверху, не было страшно, и они хотели подойти поближе. Но молодой человек, не оборачиваясь, сказал им:

— Подождите, ближе нельзя, можно обжечься.

Минут через пять образовалась широкая неглубокая яма, по бокам которой мусор спекся, словно края глиняной миски, а на дне ямы показались совсем старые бревна и остатки столбов, врытых в землю. Между ними была видна черная земля и песок.

Молодой человек спрятал пистолет в сумку и спустился к столбам. Там, из углубления, изливалась струя чистой воды и заполняла это углубление.

Молодой человек принялся руками разгребать черную землю, извлекать из нее лишние предметы, освобождать горло родника.

— Теперь можно подойти? — спросила Ксюша Маль.

— Конечно, — ответил молодой человек.

Он улыбнулся ребятам, откинув со лба тыльной стороной кисти прядь непослушных волос. Ксюша Маль, которая была очень наблюдательной, заметила, что волосы молодого человека необыкновенного цвета.

— Вы что делаете? — спросил Гарик Палецев.

— Разве вы еще не поняли? — удивился молодой человек.

Он вытащил из земли согнутый лом и легко отбросил его в сторону, будто это был гвоздь.

— Вы чистите родник,— сказал Гарик.

Молодой человек отгребал ладонями грязь и землю, обнажая чистый песок. И на глазах родничок начал бить веселее, сильнее, и вода ярче заблестела под солнцем.

— Вы речной доктор,— сказала Ксюша Маль.

— Правильно,— сказал молодой человек.— Меня можно называть речным доктором, а еще меня называют речным богом.

— Бога нет,— сказал Гарик.

— Правильно,— согласился молодой человек.— Но я есть.

— А кто вам разрешил? — спросил Гарик.

— А разве надо разрешение, чтобы лечить и делать добро?

— Не знаю,— сказал Гарик.— Но все всегда спрашивают разрешения.

— Если ждать, то река умрет,— сказал речной доктор.

— А почему вы раньше не пришли? — спросила Ксюша.

— У меня много дел,— сказал молодой человек.— Я прихожу только тогда, когда совсем плохо. Бывают случаи, что люди сами понимают, что натворили, и исправляют свои ошибки.

Говоря так, речной доктор кончил чистить родник и, отвалив в стороны грязь, отыскал под ней вершины погрузившихся в землю серых валунов. Без заметного усилия он выкатил один за другим валуны и подвинул поближе к роднику, чтобы они его ограждали.

— Вы очень сильный,— сказала Ксюша.— А чем вам помочь?

— Я еще не знаю,— сказал речной доктор.— Но если у вас есть время, оставайтесь со мной. Мы пойдем вниз по течению и будем вместе работать.

— Давайте я домой сбегаяю, за лопатой,— сказал Гарик.

— Спасибо, не надо.

Молодой человек поднялся, отряхнул ладони от земли.

— Чего не хватает? — спросил он.

Ребята посмотрели на родник. Он выбивался из песка невысоким веселым фонтанчиком, разливаясь по светлому песку. Вокруг, как часовые, стояли серые валуны.

Ожидая ответа, речной доктор вынул из-за пояса широкий нож, точными и быстрыми ударами отсек гнилые верхушки тор-

В том месте, где луч дотрагивался до мусора, мусор начинал сжигаться, таять, словно был снежный.

чащих из земли столбов, вытащил из земли черные брусья, обстругал их и положил на столбы — так, через много лет, у родника снова образовался мостик.

— Ну, что же вы молчите? — спросил речной доктор.

— А можно сделать еще красивее? — спросила Ксюша.

— Подскажи, — улыбнулся речной доктор и сунул руку в сумку.

— Не хватает травы, — сказала Ксюша.

Молодой человек вынул руку из сумки, раскрыл кулак — на ладони лежала кучка семян.

— Я знал, что ты так скажешь, — проговорил он.

И он произнес эти слова так, что Ксюше стало приятно, что она угадала.

Речной доктор рассыпал семена по земле вокруг родника, потом зачерпнул из него ладонями воды и полил семена.

— Помогайте мне, — сказал он.

Ребята тоже спустились к роднику и стали черпать ладонями воду и поливать вокруг. Вода была очень холодная.

— А пить ее можно? — спросила Ксюша.

— Нельзя, — сказал Гарик. — Вода некипяченая.

— Можно, — сказал речной доктор. — Теперь можно. Эта вода вырывается из самой глубины земли. Она проходит через подземные пещеры, пробивается сквозь залежи серебра и россыпи алмазов. Она собирает молекулы редких металлов. В ней нет ни одного вредного микроба. Много тысяч лет люди знали, что она целебная.

Ксюша первой присела перед родником, набрала в ладошки хрустальной воды и выпила ее. Вода была холодной — даже зубы ломило — и немного газированной. В ней были свежесть и даже сладость. Потом воду пил Гарик, потом снова Ксюша.

А когда Ксюша выпрямилась, напившись, она увидела, что вокруг родничка выросла густая зеленая трава. Откуда-то прискакал кузнечик, влез на травинку и принялся раскачиваться. Зажужжал шмель.

— Ну и трава у вас! — сказал Гарик. — Такой не бывает.

— Такой не бывает, — согласился речной доктор. — Но она есть.

Гарик сорвал несколько травинок и понюхал. Они пахли травой.

И тут они услышали, как над их головами кто-то пискнул.

На кромке поросшей травой котловины, на оплавленной спекшейся границе между свалкой и родником, сидели два бродячих

пса. Один молчал, а второй раскрывал рот, словно зевал, и от этого получался писк.

— Пошли отсюда! — сказал собакам Гарик.

— Почему? — удивился речной доктор. — Собакам тоже надо пить чистую воду. Псы, идите сюда.

— Они грязные, — сказал Гарик. — У них много блох и микробов. Они на свалках живут.

— Они живут на свалках, — сказал речной доктор, — потому что люди, у которых они жили раньше, выгнали их из дома. И я с этим не согласен.

— Я тоже не согласна, — произнесла Ксюша.

— Я после них пить не буду, — сказал Гарик.

Речной доктор засмеялся. У него были такие белые зубы, каких Ксюше еще не приходилось видеть. И он умел угадывать мысли. Потому что в ответ на мысль Ксюши сказал:

— Я всегда пью только настоящую, чистую воду.

Собаки спустились к роднику и стали пить. Они виляли хвостами и косились на людей, потому что привыкли им не верить.

А напившись, стали бегать вокруг и кататься по траве. Гарик хотел было погнать их прочь, чтобы не мяли траву, но, когда открыл рот, чтобы прикрикнуть на них, встретился со взглядом речного доктора. Тот словно спрашивал: неужели ты сейчас их прогонишь?

И Гарик, вместо того чтобы кричать на собак, сказал:

— Все это чепуха. Вы здесь немного почистили, а завтра все снова загадят.

— Я потому вас и позвал, — сказал речной доктор, — чтобы вы все увидели и не дали больше губить родник.

— А как же мы это сделаем? — спросил Гарик. — Вы нам, может, свой пистолет оставите?

— Не знаю, — сказал речной доктор. — Честное слово, не знаю. Я думал, у вас есть своя голова на плечах.

Он посмотрел наверх. Конечно, Гарик был в чем-то прав: весь склон, до самых домов, был такой же печальный и грязный, как родник до прихода речного доктора. И лужайка вокруг родника казалась такой маленькой и беззащитной.

— Моя работа, — сказал речной доктор, — это спасение рек. И я ничего не смогу поделывать, пока я один.

КРОВАВАЯ ШАПОЧКА,
или
СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ

Я люблю сказки, только одно мне не нравится: никогда не известно, что было раньше и что стало потом. Вот живет в лесу Баба-яга, костяная нога. А скажите, пожалуйста, где и почему она потеряла ногу? Может, под трамвай попала? Впрочем, какие могут быть трамваи в древнем лесу! Вернее всего, медведь ей ногу откусил. Или отморозила.

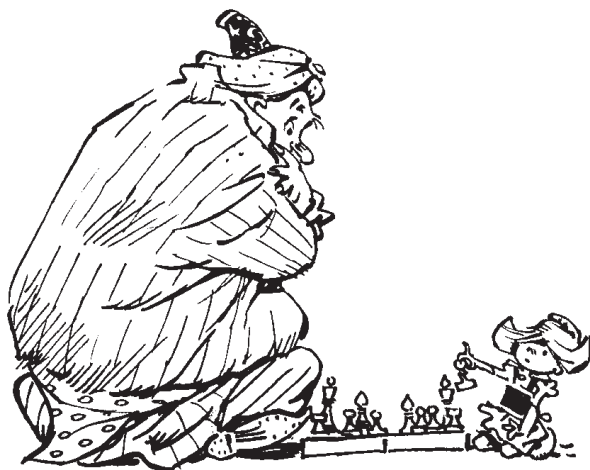
Может быть, вам, уважаемый читатель, приходилось читать сказку о мальшше Карлсоне, который живет на крыше. Тогда скажите мне, пожалуйста, откуда этот шалун достал себе пропеллер? И как, простите, этот пропеллер крутится? На батарейках он у него, что ли?

Когда-то, много лет назад, мне пришлось прочесть в газете сердитую статью критика о том, что у сказочного ушастика Чебурашки нет родителей и это очень плохо. Почему у него нет родителей? Может быть, он не любил своих родителей? Может быть, они его лупили и Чебурашка от них убежал? Но если убежал, то почему в ящичке из-под апельсинов? Прав тот самый критик! Я хочу обязательно познакомиться с господином Чебурахом и госпожой Чебурахой, родителями Чебурашки. Правда, с родителями крокодила Гены вы можете меня не знакомить.

Если вы ответите на эти и многие другие вопросы, то прошу вас, скажите, где сейчас работает доктор Айболит? У моего котика болит живот, а я не знаю, по какому телефону мне разыскать знаменитого доктора.

Я много лет мучился такими вопросами, я вырос, кончил школу, немного даже состарился, но никто не смог мне ответить: откуда взялись и куда потом делись герои известных сказок?

И вот сегодня, отложив все дела, я решил написать сказку именно об этом. Может быть, я не прав и вы со мной не согласитесь. Зато я сам успокоюсь.

Глава первая О ТОМ, КАК КРАСНАЯ ШАПОЧКА ПОШЛА К БАБУШКЕ

Лида играла с Аладдином в шахматы. Вообще-то Аладдин пришел к маме и принес ей показать ковры, которые только что прибыли из Персии, но мама еще спала на своем хрустальном ложе, и Лиде пришлось развлекать гостя.

Аладдин в шахматы играл плохо, потому что его никто этому не учил, и Лида ему нарочно поддавалась, чтобы не обижать. Ведь толстому взрослому торговцу коврами обидно, если его обыгрывает маленькая девочка Лида по прозвищу Красная Шапочка.

Красной Шапочкой Лиду прозвали из-за того, что ее бабушка всегда что-нибудь вязала, и конечно же больше всего она любила вязать для своей единственной внучки. Каждый раз, когда Лида к ней приходила, бабушка дарила ей новую вязаную красную шапочку с кисточкой на макушке. Чтобы не обижать бабушку, Лида ходила в красной шапочке — отсюда и прозвище.

— Слышала новость? — спросил Аладдин. — Вчера украли быка-чемпиона.

— Какого чемпиона?

— Он был самым большим быком в стране, его собирались отправить в Испанию на бой быков.

— Странные люди эти испанцы.

— Что же твоя мама не просыпается? — спросил Аладдин. — Ведь часы на башне уже пробили полдень.

— Извини, Аладдин, — отвечала Красная Шапочка, — но мама вчера допоздна пекла пирожки для бабушки, а потом смотрела телевизор. Но скоро уже обед, и мама проснется. Видишь, по улице идет наша соседка Василиса Премудрая и несет свернутую скатерть-самобранку?

— Ничего не понимаю! — сказал Аладдин. — Что общего между вчерашними пирожками и вашей соседкой Василисой?

— Ах, какой ты наивный, Аладдин! — воскликнула Красная Шапочка. — Скатерть-самобранка служит всему нашему кварталу. Она готовит обед по очереди во всех домах. По пятницам у Аленушки, по субботам у тети Шехерезады, по воскресеньям у Дюймовочки и ее мужа — стойкого оловянного солдата. Они, конечно, маленькие, но у них очень много детей и родственников.

— Все понял! — ответил Аладдин. — Сегодня среда — и ваша очередь!

Лидочка подставила Аладдину ферзя, чтобы он поскорее выиграл партию в шахматы, а сама побежала встречать тетю Василису и накрывать на стол.

Аладдин принялся разворачивать чудесные ковры, а в доме зазвенели серебряные и хрустальные колокольчики — это Красная Шапочка включила волшебный будильник, который своими звуками дарит хорошее настроение. Даже школьник, проснувшись от колокольчиков такого будильника, спешит скорее в школу с превеликим удовольствием.

В ответ на звон будильника из спальни донесся счастливый смех Лидиной мамы.

— Лида! — позвала мама. — Иди ко мне, моя крохотулечка, я тебя поцелую.

Красная Шапочка побежала к маме в спальню.

Спальня мамы была похожа на большую пещеру, освещенную различными лампами и фонарями. Посреди нее стояло хрустальное ложе, на нем, вся в кружевах, нежилась Лидочкина мама, бывшая Спящая Красавица. Маму давно уже отыскал и поцеловал принц, который на поверку оказался вовсе не принцем, а известным моряком и путешественником Синдбадом-мореходом.

Его раскладушка стояла рядом с маминым хрустальным ложем. Дело в том, что Лидочкин папа Синдбад не любил спать на хрустале. Но сейчас раскладушка пустовала, потому что Синдбад уплыл открывать Америку.

Мама расцеловала Лидочку и спросила:

— А что у нас на завтрак?

— Обед сегодня готовит скатерть-самобранка,— напомнила Лидочка, и мама расстроилась:

— Ах, опять эта скатерть! У нее совсем нет воображения! Опять придется есть омаров, лангустов, семгу, лососину и суп из акульих плавников!

— Что же делать, мамочка,— сказала в ответ Красная Шапочка,— раз на нашу долю выпал самобранкин рыбный день. Но она старается и в прошлый раз сделала карпа в сметане.

— Вот именно! — Спящая Царевна расстроилась и хотела было снова лечь спать, но тут Лида сказала:

— Мамочка, там тебя ждет Аладдин. Пришел караван из Персии и привез новые ковры.

Мама тут же забыла о своих бедах и крикнула:

— Лида! Удержи его любой ценой! Я должна посмотреть на ковры!

Мама была одета, причесана и умыта в пять минут. Лидочка даже не успела накрыть на стол, как мама уже велела развернуть ковры и принести кашемировые шали.

Пока мама рассматривала товары, Лида стала собираться в дорогу. Она положила в корзиночку пакет с пирожками, три мотка шерсти, которые бабушка просила купить на рынке, книжку с картинками, чтобы почитать бабушке вслух, и компас, чтобы не заблудиться в лесу.

Потом Красная Шапочка надела красную шапочку и попрощалась с мамой и Аладдином.

Аладдин пожелал Лидочке счастливого пути, а мама сказала:

— Чтобы вернуться до темноты! А то, говорят, в лесу волк объявился.— И тут же легкомысленная мама обернулась к Аладдину: — Почему я не вижу настоящих больших ковров?

— Прости, госпожа,— ответил Аладдин,— но ты же знаешь, что мой джинн ушел на пенсию и мне самому приходится таскать по городу товары.

— А ты не жадничай, старый плут,— сказала мама.— С твоими богатствами ты можешь нанять сто носильщиков. Не зря же джинн у тебя столько лет служил.

Мама была знакома с Аладдином с детства, и они дружили, хотя часто ссорились, потому что Аладдин стал богатым торговцем, а мама не любила тратить деньги.

Больше Лида этот разговор не слушала, а отправилась в лес.

Лида прошла по узкой тенистой улице, где стоял их дом, миновала шумную базарную площадь, обсаженную цветущими каштанами, обошла дворец и мимо городского сада выбежала к городским воротам. Стражник у ворот узнал ее и даже подарил леденец. Стражника зва-

ли сержант Грицько, он был страшный на вид, с усами до пояса, но очень добрый.

День был майский, теплый, но не жаркий, после вчерашнего дождя дорога еще не пылила, в молодой траве летали, пели, стрекотали и трепетали насекомые, а за ними охотились быстрые птицы. Лидочке встречались повозки, всадники, а то и пешеходы, которые спешили в город по делам, иногда ей приходилось посторониться и сойти с дороги, потому что ее обгоняла карета или груженная товаром телега.

А потом начался лес. Он подступал к дороге с обеих сторон, и чем дальше, тем деревья становились выше и стояли теснее. Из леса тянуло прохладой и сыростью, которая скрывалась в пятнах снега, лежащих под старыми елями.

У чистого источника, который весело бил из-под большого камня и рядом с которыми стояла скамья для отдыха путников, Лида свернула на широкую тропу, что и вела к бабушкиному дому.

Сначала, пока тропа была широкой и утопанной, Красной Шапочке нередко встречались птицы и звери, некоторые из них — старые знакомые. Ежиха Лукерья поджидала около пня, чтобы представить Лиде своих малышей, которых родила всего месяц назад; два близнеца-дятла с красными макушками, которые считали себя из-за этого братьями Красной Шапочки, попросили ее быть судьей их соревнования: кто быстрее проклюнет осинку до середины? Но Лида не согласилась ждать.

За поворотом, где тропинка раздваивалась, Лиде встретилась молоденькая фея, которая сказала:

— Красная Шапочка, может быть, мне тебя проводить?

— Почему, добрая фея?

— Говорят, в лесу объявился серый волк. Это очень опасное животное.

— Но волки никогда не нападают на людей днем, да еще в одиночку,— возразила Лида.

— Значит, ты не боишься?

— Совсем не боюсь.

— А я очень боюсь,— сказала фея и спряталась в цветущем сиреневом кусте.

Теперь тропинка стала совсем узенькой. По ней мало кто ходил.

— Избушка, избушка, — попросила она ласковым голосом, —
встань, пожалуйста, к лесу задом, а ко мне передом.

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Родителям Кати и Маратика не повезло с детьми. Им попались очень неудачные дети. Они еще не научились ходить, а начали шалить.

Сначала шалила Катя, потому что Маратик еще не родился. Она плевалась, дралась, щипалась, кусалась, а когда научилась говорить, стала ругаться.

Ее братик Маратик пошел по стопам Кати, но всегда от нее отставал в каверзах и потому еще больше сердился.

Когда Кате исполнилось пять лет, а Маратику три года, они вытоптали все цветы на клумбе возле дома и забросали землей соседскую бабушку, которая вышла, чтобы остановить это безобразие. Бабушку удалось откопать только на третий день. К тому времени она лишилась речи и слуха от холода и голода, так что о виновниках этого двойного преступления в городе узнали только тогда, когда бабушка написала их имена на листке бумаги.

Правда, увидеть их имена успела только медсестра Клавдия Брызжейко, потому что Катя, которая ожидала, что бабушка проговорится, с ночи дежурила под ее кроватью, и как только медсестра развернула листок, Катя молнией выпрыгнула из-под кровати и листок этот съела. Потом выпрыгнула из палаты с третьего этажа, разбив окно. Медсестра Клава Брызжейко лишилась сознания и до сих пор лежит дома с закрытыми глазами.

В ту осень Катя и Маратик совершили еще несколько страшных преступлений. Может быть, вам приходилось слышать о том, как столкнулись два поезда на запасном пути. Это Катя с Марати-

ком пробрались на рельсы, вдвоем потянули на себя железнодорожную стрелку, и поэтому поезд Владивосток — Берлин попал на тот путь, где только-только начал разгоняться поезд, груженный подушками и одеялами для Аддис-Абебы. Поезда столкнулись нос к носу и рассыпались на вагоны. Это еще счастье, что люди из поезда Владивосток — Берлин, включая двух польских министров, венгерского певца и команды футболистов из города Любека, вылетели из вагонов и упали на подушки, которые были разбросаны вдоль путей.

Кате было очень обидно, что никто не догадывается о ее подвиге. Она уже немного умела писать и написала на стене вокзала:

«Это я, Катя Матина, и мой брат Маратик. Смерть падушкам!»

Люди проходили, некоторые читали, а прочтя, все говорили:

— Ну кто так пишет слово «подушка»? Это же ошибка!

Тогда Маратик сказал старшей сестре:

— Давай сделаем большую гадость.

— Какую?

— Пускай сгорит наш детский сад.

Кате понравилась мысль ее братика Маратика. Они украли у папы канистру с бензином, а у мамы — спички и пошли после ужина жечь детский садик. Детский садик запылал, как большой костер.

— Как жалко, — сказала Катя, — что сейчас в нем нет детей.

— А правда, — сказал Маратик, — давай завтра еще раз подожжем этот садик. Когда там будет много детей. Вот посмеемся!

Но Катя сказала слова, которые слышала по телевизору:

— Нет, брат. Нельзя войти два раза в одну реку.

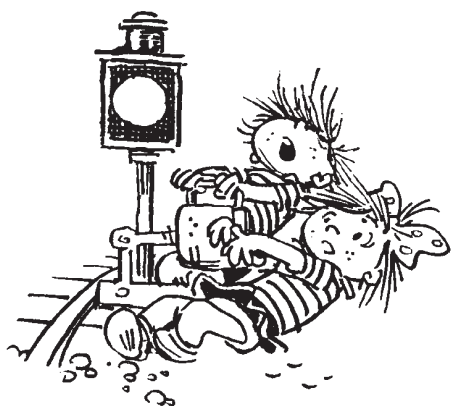
— Почему? — спросил Маратик.

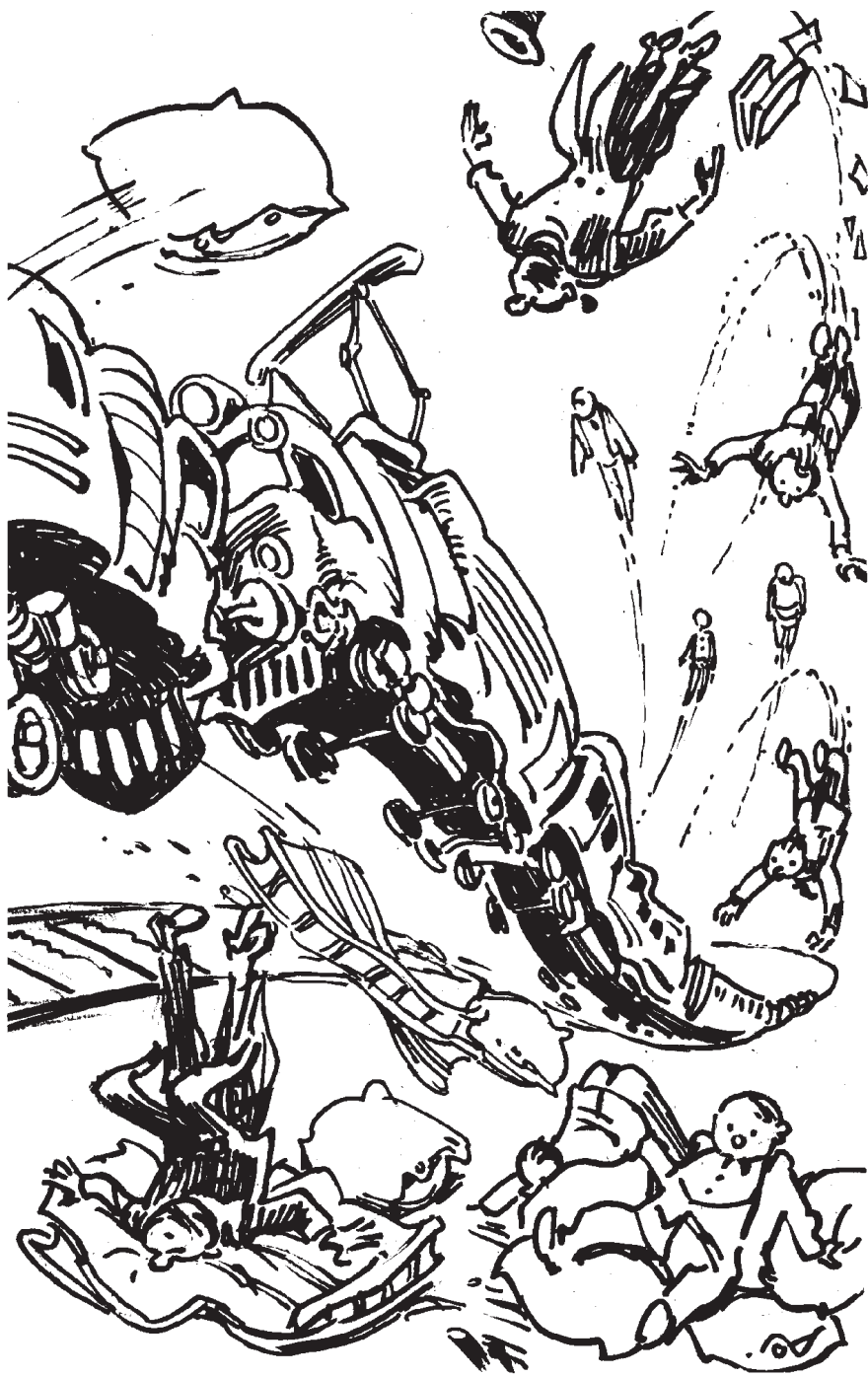
Ему было всего четыре года, и он не знал жизни.

— Потому что та, старая, вода уже утекла, а новая только-только притекла.

Маратик не стал спорить с сестрой. Он решил с ней дружить, пока она ему не надоест.

Зимой Катя и Маратик сделали большую прорубь в пруду, на котором был устроен детский каток. Они

Поезда столкнулись нос к носу и рассыпались на вагоны.

думали, что дети будут падать в прорубь и тонуть. Но как только каток открыли, сторож увидел прорубь, и никто не успел утонуть.

Они решили, что надо как следует думать, прежде чем шалить. И с тех пор не совершали ошибок.

Мама и папа делали детям замечания и даже их ругали. В конце концов детям это надоело. Они сделали приспособление, чтобы уронить маме на голову кирпич. Кирпич упал, и мама попала в больницу.

Папа никак не мог понять, кому потребовалась гибель мамы. Пришла милиция с собакой, и собака сразу привела лейтенанта Круля к детям, которые стояли в углу комнаты и плакали, как и положено детям, надолго потерявшим единственную маму.

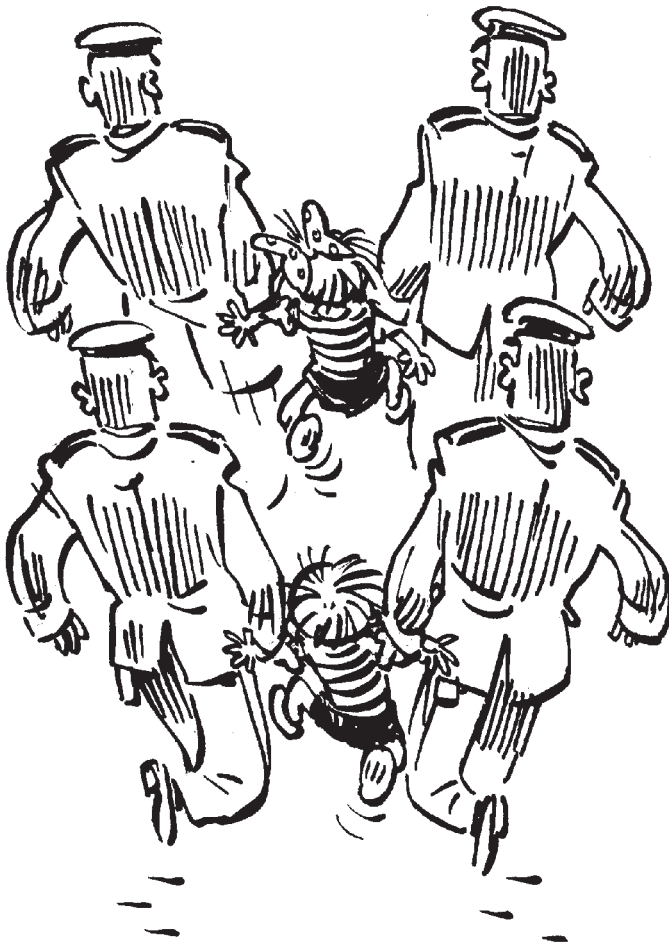
Папа отказался поверить своим глазам и за это был наказан. Катя растворила в воде яд бледной поганки и подмешала папе в ночную рюмочку коньяка. Папе стало плохо, его отвезли в больницу, а дети остались одни.

Сначала им это понравилось, однако скоро еда кончилась, но никто не хотел приходить к ним в дом, чтобы их кормить. Тогда Катя взяла Маратика за ручку, в другую ручку взяла пистолет системы «Макаров», которым папу наградили за боевую подготовку, и пошла в магазин. Там ей удалось ранить двух кассирш и разогнать по углам продавщиц. А маленький Маратик тем временем собирал по прилавкам самую вкусную еду.

Потом они понесли еду домой, но по дороге их догнал танк, в котором сидели милиционеры. Катенька разрядила в танк всю обойму, но пули его не взяли. Тогда дети заплакали и принялись быстро есть награбленное, чтобы милиционеры не успели отнять.

Милиционеры взяли их на месте преступления и отвели в детскую комнату милиции. Там дежурила старший лейтенант тетя Дуся и еще были задержанные дети-беспризорники, большей частью цыганята и нищие. В среднем им было по восемь лет, и тетя Дуся читала им на ночь книжку «Муха-цокотуха».

Катеньке и Маратику книжка не понравилась, и они подговорили других детей напасть на тетю Дусю. Дети напали на тетю Дусю, свалили ее на пол, заткнули ей глотку кляпом из колготок, достали из ее кармана сигареты и стали курить, а кто курить не умел, гасили сигареты о живот старшего лейтенанта тети Дуси.

Когда тетю Дусю спасли товарищи по работе, она поклялась, что лучше будет жить в клетке с тиграми и шакалами, чем согласится без танка зайти в детскую комнату. Начальник отделения милиции сначала хотел дать тете Дусе танк, чтобы она на нем въезжала в детскую комнату, но потом решил, что лучше пускай дети разойдутся по домам и не пугают милиционеров, у которых забот хватает и без маленьких детей.

Катенька и Маратик возвратились домой и легли спать. Ночью Маратику захотелось убить свою сестренку Катю, и он принес для этого из кухни длинный нож. Но Катенька проснулась, исколотила Маратика и объяснила ему, что, если он убьет старшую сестренку, некому будет его кормить и сажать на горшок.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ

<i>Глава первая.</i> Тигры ходят по ночам.	7
<i>Глава вторая.</i> Роковая ошибка	14
<i>Глава третья.</i> Хищники среди нас!	20
<i>Глава четвертая.</i> Королевская охота.	26
<i>Глава пятая.</i> Вечернее бегство	32
<i>Глава шестая.</i> Вечерние события.	37
<i>Глава седьмая.</i> Путешествие в Москву	44
<i>Глава восьмая.</i> Бабушка, я не одна!	50
<i>Глава девятая.</i> Сегодня и ежедневно.	56
<i>Глава десятая.</i> Испытание	63
<i>Глава одиннадцатая.</i> Письма из Индии	70

РЕЧНОЙ ДОКТОР	75
-------------------------	----

КРОВАВАЯ ШАПОЧКА, ИЛИ СКАЗКА ПОСЛЕ СКАЗКИ

<i>Глава первая.</i> О том, как Красная Шапочка пошла к бабушке	136
<i>Глава вторая.</i> О том, как вместо бабушки Красная Шапочка увидела серого волка.	146
<i>Глава третья.</i> О том, как Красная Шапочка спасала бабушку от серого волка	155

<i>Глава четвертая.</i> О том, как Красная Шапочка искала свою бабушку	166
<i>Глава пятая.</i> О том, как Красная Шапочка все-таки вернулась домой	173
<i>Глава шестая.</i> Как серый волк стал маленьким	179
<i>Глава седьмая.</i> О том, как все кончилось	186
ДЕТКИ В КЛЕТКЕ	195